

АДМИРАЛ КОЛЧАК И УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ

*Из воспоминаний Генерального штаба генерал-майора М. А. Иностранцева**

В Государственном архиве Российской Федерации сохранились интереснейшие неопубликованные воспоминания Генерального штаба генерал-майора Михаила Александровича Иностранцева (26.07.1872–05.12.1938), посвящённые событиям революции и Гражданской войны. Иностранцев был известным для своего времени военным учёным, профессором Николаевской военной академии, где он вёл занятия по тактике и стратегии. В период Гражданской войны Иностранцев занимал ряд высоких постов в войсках Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака. В 1919 году он состоял генералом для поручений и генерал-квартирмейстером при Колчаке. В силу этих обстоятельств Иностранцев был очевидцем многих важных событий в истории белой Сибири. Свои впечатления он изложил в неизданной рукописи «Адмирал Колчак и катастрофа Сибири»,

Генерал М. А. Иностранцев.
Около 1915 г. ГАРФ.

небольшой фрагмент которой о визите в Омск главы буддийского духовенства Урянхайского края летом 1919 года предлагается вниманию читателей.

Описание подготовки встречи Пандито-Хамбо-Ламы (в тексте — Бандидо-Хамбо-Лама), оставленное Иностранцевым, рисует удручающую картину положения белого тыла в разгар Гражданской войны. В частности, у белых не имелось даже запаса наград для такого рода церемоний, в результате чего орден для авторитетного духовного лидера дружественной территории пришлось искать по антикварным лавкам, а Верховный правитель адмирал Колчак вместо решения важнейших задач на терпевшем неудачу за неудачей фронте или по государственному управлению с энтузиазмом занимался разработкой торжественных церемониалов.

Вступительная статья, публикация и примечания Андрея Ганина, кандидата исторических наук

К этому же приблизительно времени, т.е. к июлю месяца 1919 г. относится и ещё один факт, рисующий особенности сибирской обстановки, в которой приходилось действовать Колчаку — с одной стороны, а с другой — Верховного Правителя России как политика и принятый у Колчака, в качестве такового, церемониал.

Когда я однажды заехал в канцелярию Совета министров к генералу Мартьянову¹ и, в ожидании прихода его, т. к. он отлучился на короткое время к адмиралу, разговорился с чиновниками для поручений и капитаном Бутурлиным, чиновник Самойлов сообщил мне, что на днях ожидается приезд в Омск весьма интересного с бытовой точки зрения Сибири человека, имеющего большое влияние, который прибывает, чтобы приветствовать Верховного Правителя на его высоком посту и уверить в непоколебимой ему преданности всего его края.

На мой вопрос: кто же это приезжает, мне ответили, что прибудет из так называемого Урянхайского края глава ламайского духовенства этого края и вместе с тем глава ламайского духовенства всей Сибири, имеющий огромное влияние на всех исповедующих ламайскую религию, первосвященник Бандидо-Хамбо-Лама².

Необходимо объяснить, что Урянхайский край был когда-то уступлен нам Китаем и, хотя расположен позади пограничного с Китаем горного хребта, но был приобретён Россией как чрезвычайно богатый край, про богатства которого рассказывались действительно чудеса. Край этот, лежащий на границе с Монголией, населён также монголами, исповедующими, как и все монголы, буряты и многие другие сибирские инородцы, ламайскую религию, главой которой почитается известный

Далай-лама, проживающий в сказочной и недавно совершенно недоступной для европейцев Лхасе.

Незадолго до Великой войны в Урянхайском крае стали водворяться и русские переселенцы и, по всей вероятности, этот богатый и сравнительно мягкий по климату край сделался бы в короткое время одним из самых лучших мест Сибири. Однако после большевистского переворота и провозглашения принципа самоопределения народностей, пока населяющие Урянхайский край монголы самоопределялись, китайцы ввели свои войска в пределы края, и он был почти отторгнут от России.

Когда большевизм был в Сибири свергнут, то в крае осталось несколько большевистских отрядов, которые и пытались там задержаться, терроризируя население. Русские жители частью признали правительство Колчака, а частью поддерживали большевиков. Монголы колебались, и часть их примкнула к китайцам.

В Урянхайский край был отправлен отряд, которому удалось выбить большевиков, оттеснить их в пределы Китая и установить порядок. Вот в это-то время и сказалось значение и влияние в крае главы ламайского духовенства Бандидо-Хамбо-Ламы. Он сразу же и определённо стал поддерживать правительственные войска и признал правительство Колчака, чем побудил и всех монголов стать против большевиков. Мало того, он решился сам ехать в Омск, чтобы лично приветствовать Верховного Правителя и принести ему уверения в преданности.

Вот этого-то, преданного интересам России и её интересам человека теперь и ожидали в Омск. Колчак решил встретить его с подобающим церемониалом, к которому так чутки все

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

люди востока, обласкать и наградить и тем выразить ему благодарность за лояльное его поведение.

Ввиду этого, при его приезде в Омск, его должен был встретить один из чиновников для поручений при Верховном правителе и состоять при нём всё время его пребывания. Бандидо-Хамбо-Лама должен был быть принят в торжественной аудиенции, на которой Колчак должен был принять его, окружённый состоявшими при нём лицами, и, приняв от него подарки, которые он привёз, тут же наградить его. Беседа должна была происходить, конечно, через переводчика, т. к. наш гость ни на каком другом языке, кроме монгольского, не говорил.

Вскоре прибыл в канцелярию генерал Мартьянов и сообщил установленный Колчаком для приёма церемониал. Бандидо-Хамбо-Ламу на вокзале должен был встретить назначенный состоять при нём чиновник для поручений при Верховном правителе, который и должен был доставить его в автомобиле в дом Колчака. К этому времени должны были собраться туда же все чины, состоящие при адмирале, т. е. генерал для поручений — пишущий эти строки, — начальник канцелярии генерал Мартьянов, штаб-офицер для поручений капитан Бутурлин, чиновник Самойлов и все адъютанты.

Бандидо-Хамбо-Лама должен был быть введён в зал и короткое время там обождать, после чего должен был выйти из кабинета в сопровождении всех нас Колчак и, поздоровавшись с гостем, предложить ему занять место по одну сторону стола, а сам с сопровождающими его лицами поместиться по другую сторону. По выслушании приветствия Бандидо-Хамбо-Ламы и принятии его подарка Верховный Правитель должен был сам ответить ему словом приветствия и благодарности и наградить, в свою очередь. Колчак решил наградить его одним из младших орденов, даваемых генералам, а именно звездой и лентой ордена св. Анны и своим портретом с надписью.

При этом встретилось затруднение совершенно не предвиденное. Так как в распоряжении Верховного Правителя не имелось запаса высших орденов, то надо было откуда-нибудь достать необходимый орден. Первоначально думали достать его у кого-нибудь из находящихся в Омске генералов, который бы мог продать его, но такового не оказалось. Тогда начали искать у антикваров и, к счастью, у одного из них нашли за довольно значительную сумму требуемый орден. Но тут оказалась другая беда. Лента, надеваемая через плечо, оказалась довольно поношенной и имела несколько пятен. Тогда её отравили в чистку в одну из красилен, и уже после этого она была готова для пожалования. Такого рода курьёзные затруднения приходилось встречать правительству Колчака при его деятельности, и затруднения эти были весьма характерными для переживавшегося времени.

Наконец, день прибытия высокого гостя настал. В назначенный час мы все собрались в кабинете адмирала, который был в весьма весёлом настроении и любезно беседовал с нами. Ровно в два часа дня дежурный адъютант сообщил, что автомобиль с гостем прибыл к дому Верховного Правителя и что гость препровождён в зал, где и ожидает приема. Колчак и все мы вышли в зал и здесь увидели довольно высокого старика в яркой шёлковой одежде, с типично монгольскими чертами лица. На голове у него была весьма странная шляпа, напоминающая своим видом индийские пагоды, сделанная из какого-то золочёного материала, настолько твёрдого, что

он держался как бы накрахмаленный. Бандидо-Хамбо-Лама, как почти все монголы, носил и бороду, и усы, но и те и другая (так в документе. — А. Г.) были настолько редкими, что получалось впечатление, что их нет. Несмотря на узкие, прищуренные глазки, лицо его производило, впрочем, довольно приятное впечатление. При входе Верховного Правителя он, приложив обе ладони сначала ко лбу, а потом к груди, поклонился в пояс и начал говорить на своём гортанном наречии приветствие. Последнее было довольно продолжительным и, видимо, преисполнено восточным красноречием. Окончив приветствие, он обратился к переводчику, и тот перевёл его на русский язык, после чего Бандидо-Хамбо-Лама взял у него какой-то пакет и, развернув его, преподнёс Верховному Правителю свой подарок, оказавшейся довольно большим голубым шёлковым платком. Конечно, было странно видеть подобный подарок, преподносимый такому высокому лицу и притом мужчине, но потом выяснилось, что платок и именно голубой есть у монголов знак высшего расположения и показатель глубокого почтения и преданности.

Тогда обратился с приветствием к гостю Колчак и в кратких, но выразительных словах высказал, что ему приятно видеть у себя главу ламайского духовенства и притом известного своею любовью и преданностью России, что он просит его передать и монгольскому народу, что Россия всегда считала монголов своими друзьями и готова помогать им, в чём будет в силах. После этого слова адмирал взял у генерала Мартьянова ящичек с орденом св. Анны и, раскрыв его, передал его изумлённому гостю. Один из адъютантов немедленно же вынул ленту и звезду и надел их на детски счастливого ламайского первосвященника. Вслед за этим ему был передан и патент на орден и портрет Колчака. Бандидо-Хамбо-Лама до того был обрадован и поражён этой наградой, что тотчас же нагнулся и пытался, забыв своё высокое положение, поцеловать Колчаку руку.

Этот инцидент нарушил было немного торжественность церемониала, но Колчак, желая замаять его, обратился с вопросом к Бандидо-Хамбо-Ламе о состоянии Урянхайского края, о том, долго ли он намерен пробыть в Омске и т. д. На этом разговор и аудиенция были окончены, и гость собирался было уже уходить и откланяться Верховному Правителю, как вдруг обратился к переводчику и снова сказал ему несколько слов. Переводчик, улыбнувшись, сказал что-то дежурному адъютанту, а тот тихо доложил Колчаку. Адмирал утвердительно кивнул головой, и Бандидо-Хамбо-Лама с тем же церемониалом простился и уехал в отведённый ему вагон. Мы все вошли в кабинет Верховного Правителя, и здесь сам Колчак объяснил секретный разговор через переводчика.

— Вы знаете, — сказал он, — ему, видимо, ордена показалось мало, и он просил меня сделать ему ещё подарок и, как вы думаете, что? — Видя наше недоумение, он весело засмеялся и продолжал:

— Он просил меня подарить ему моторную лодку, чтобы кататься по Енисею.

Я обещал прислать, ведь, в сущности, это дитя природы, а посмотрите, хочет уже иметь моторную лодку, значит, имеет о ней понятие.

Простодушие, вместе с азиатскою хитростью и склонностью выпрашивать — как-то вместе уживаются.

ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 158–163. *Машинопись.*

Примечания

1. Мартьянов Александр Александрович (1881 — после 1926) — генерал-майор флота. Вр.и.о. директора канцелярии Верховного Правителя (1918–1919). Остался в Советской России (1920). Подробнее

см.: Купцов И. В., Бужков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М. 2011. С. 333–334.
2. Цыремпилов Гуро-Дарма — Пандито Хамбо Лама XIV, буддийский

первосвященник (1919–1922) из Ацагатского дацана в Бурятии. В июле 1919 г. в Чите состоялся съезд представителей буддийского духовенства под председательством Цыремпилова, в связи с чем Цыремпилов и Колчак

18–20 июля обменялись приветственными телеграммами. См.: Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г.: Сб. док. СПб. 2012. С. 439.